

В.Ю. Юрочкин, А.А. Труфанов

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В НИЗОВЬЯХ РЕКИ КАЧИ

Тема поздней античности Таврического полуострова сейчас входит в число наиболее перспективных для исследований. Еще недавно наши познания по археологии этого периода ограничивались лишь яркими памятниками Боспора и немногочисленными надписями, добытыми в XIX - начале XX вв, тогда как представления о варварских древностях Юго-Западного Крыма долгое время складывались исключительно на основе Инкерманского некрополя и могильника у с. Озерное III (совр. Скалистое). Когда же в 90-е гг. уходящего века началось широкомасштабное исследование позднеантичных памятников предгорий, оказалось, что традиционные взгляды на происхождение и историю оставившего их населения нуждаются в корректировке и переосмыслении. Уже сейчас число раскопанных комплексов исчисляется сотнями, и остается только сожалеть, что большинство из них еще не опубликовано должным образом. Драгоценные предметы из богатых крымских могильников стали украшением отечественных и зарубежных выставок. Увы, это лишь «оборотная сторона медали», куда больше могил пострадало от рук грабителей, поставивших свои криминальные изыскания чуть ли не на «промышленную основу». Благодаря усилиям сотрудников Крымского филиала института археологии НАН

Украины и Бахчисарайского историко-культурного заповедника: А.Е. Пуздровского, Ю.П. Зайцева, И.И. Неневоли и их коллег, в сложных современных условиях удалось спасти многие бесценные артефакты древности, которыми столь богата крымская земля.

По большей части неожиданными стали результаты археологического изучения памятников поздней античности долины р. Качи. Ранее тут были известны лишь несколько укреплений, относимых учеными к «позднескифской» культуре¹, несколько случайно обнаруженных захоронений² и знаменитый клад антонинианов середины III в. из с. Долинное³ В связи с последующими открытиями, особую важность приобрело выделение В.А. Кутайсовым группы позднеантичного материала на склонах городища Тас -Тепе (пос. Тенистое), у подножия которого Н.Л. Эрнстом в 1932 г, а 1970 г. А.Г. Герценым и М.Я. Чорефом, раскопано несколько синхронных захоронений⁴. В 1994-1996 гг. Альминская экспедиция Крымского филиала института археологии НАН Украины (начальник А.Е. Пуздровский) в ходе охранных работ исследовала значительное число позднеримских погребальных сооружений у сс. Суворово, Тенистое, Вишневое (руководитель Ю.П. Зайцев) и у с. Красная Заря (руководитель И.И. Нене-

воля)⁵ К моменту подготовки статьи на Суворовском могильнике, состоявшем, судя по площади и масштабам разграбления, из сотен погребальных сооружений, археологически исследовано 23 грунтовых могилы различной конструкции (в основном с заплечиками), 4 подбойных могилы, 5 плитовых гробниц, 8 склепов и одно конское захоронение⁶. Как и на других могильниках предгорной зоны Центрального и Юго-Западного Крыма здесь выделяются два хронологически отличных горизонта захоронений: II-III (с преобладанием грунтовых могил) и IV столетий, для которого показательно распространение коллективных ингумаций в подземных склепах⁷. Это новое явление, а также своеобразие инвентаря, свидетельствующее о смешанном (условно алаано-германском) составе населения, дало нам повод к выделению особой группы памятников (или, скорее, новой археологической культуры) IV в., которую предложено именовать «Озерное-Инкерман»⁸. Ее формирование мы поставили в связь с сообщением Константина Багрянородного (De adm. Imp. 53) о пленении и переселении части боспорского войска херсонесским архонтом Фарнаком в период правления Константина Великого⁹ Несмотря на заметное недоверие к рассказу Константина со стороны некоторых историков¹⁰, основная масса отечественных специалистов в полной мере приемлет свидетельства источника, используя их для реконструкции этно-политической ситуации в Таврике¹¹ Похоже, что некоторые из отмеченных Константином Багрянородным эпизодов

херсоно-боспорских конфликтов находят отражение и в памятниках археологии¹². Близость материальной культуры и погребального обряда позднеантичного Боспора с одной стороны и предгорий Центральной и Юго-Западной Таврики с другой, подтверждают право на существование нашей гипотезы¹³. При этом, германский («готский» или герульский?¹⁴) след на Боспоре проявляется все более отчетливо¹⁵.

Удостовериться в истинности тех или иных наблюдений и высказываний можно только путем тщательного анализа археологического материала из сохранившихся памятников, а это требование, в свою очередь, выполнимо лишь при их полной публикации, открывающей доступ к находкам широкому кругу исследователей. Один из таких комплексов, довольно яркий и представительный, характеризующий культуру Озерное-Инкерман мы и намерены представить в нашей статье.

Публикуемый склеп № 38 (по общей нумерации) обнаружен на территории Суворовского могильника в 1995 г. в ходе работ Суворовского отряда Альминской экспедиции¹⁶.

Склеп (рис. 1) вырыт в материковой глине. Продольно-осевой конструкции, ориентирован по линии запад - восток. Дромос вытянутой трапециевидной формы размером 3,80 x 0,50 x 1,30 м, глубиной 2,60 м. В тыльной его части вырублены 7 узких ступеней, закладная плита стояла *in situ*, закрывая входное отверстие. Рядом с ней, в насыпном грунте, выше уровня пола, лежала разбитая узкогорлая светлоглиняная амфора

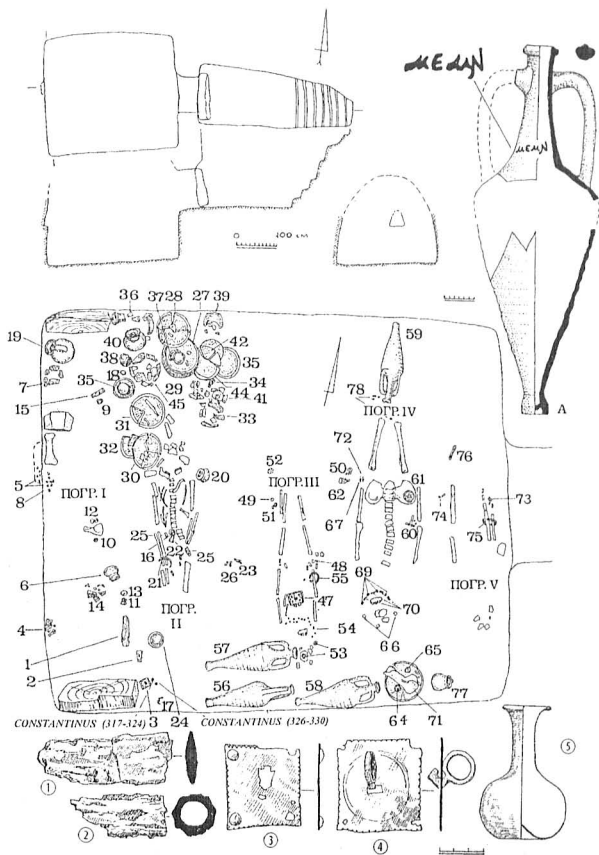


Рисунок 1.

План и разрезы склепа 38 Суворовского могильника. Схема расположения погребений и инвентаря и камере. А - амфора из фромоса склепа, 1-5: Инвентарь погребения I.

с дипинти на горле (рис. 1, А). В камеру вел «коридорчик» размером 0,50 x 0,80 м., высота ступени 1 м. Свод камеры обрушился. Погребальная камера прямоугольной формы размером 3,20 x 2,70 м. В западной ее стене на высоте 0,90 м от пола устроена ниша арковидной (или треугольной) формы размером 0,32 x 0,40 м. При ее расчистке обнаружен раздавленный стеклянный балзамарий (рис. 1, 5). На полу склепа найдено 5 погребений (рис. 1). Сохранность костяков крайне плохая. Погребенные лежали в вытянутом положении. Ориентированы головой на север (I и II), и на юг (III - V). Под всеми захоронениями прослеживался тонкий слой древесного угля, которым был посыпан пол камеры в момент совершения погребения I.

Погребение I. Взрослый человек захоронен в деревянной колоде, от которой сохранились торцовые стенки. Судя по составу инвентаря - мужчина-воин. Поверх колоды в районе черепа стоял, краснолаковый кувшин, (рис. 2, 19). Внутри колоды обнаружены стеклянная чаша (рис. 2, 7), оселок (рис. 2, 15), бронзовое кольцо (рис. 2, 9), кость животного, раздавленный стеклянный стакан (рис. 2, 8), обломки железного кольца, бронзовая пряжка (рис. 2, 11), лопатка животного, серебряная пряжка (рис. 2, 10), обломки стеклянного кувшина (рис. 2, 14), лепной миниатюрный горшочек (рис. 2, 6), фрагменты деревянной шкатулки с бронзовой накладкой, со вставленным в отверстие ключом (рис. 1, 4), известняковое навершие (или пряслице) (рис. 2, 13), обломок средней

части железного кинжала (или меча) (рис. 2, 1), бронзовая пряжка, служившая, возможно, для крепления оружия (рис. 2, 12). За пределами колоды, вдоль ее восточной не сохранившейся стенки, расчищена еще одна группа вещей: лепная миска (рис. 3, 24), втулка железного наконечника копья (рис. 1, 2), фрагменты деревянной шкатулки с бронзовой накладкой (рис. 1, 3, 17), в которой находились две бронзовые римские монеты Константина I. Мы считаем, что последняя группа инвентаря относится к погребению I.

Погребение II. Подросток. У левого плеча погребенного стоял краснолаковый биконический кубок (рис. 2, 20), в области таза - бронзовая пряжка (рис. 2, 16), фрагмент железного предмета, отщеп кремня (рис. 2, 22), фрагмент железного ножа (рис. 2, 25); на запястье правой руки - бронзовый браслет (рис. 2, 21), восточнее левой руки найдены фрагменты стеклянной бусины.

К востоку от погребения I, за черепом погребения II обнаружено скопление посуды и других предметов: краснолаковые сосуды (рис. 3, 27, 28, 31, 32, 35, 41 - 43), блюдо с лаковым покрытием серого цвета (рис. 3, 29). В краснолаковом блюде с граффито (напоминающим римскую цифру XI) на стенке (рис. 3, 27) находился лепной кувшин (рис. 3, 37), а также кости животного и яичная скорлупа. Рядом найден гончарный кубок и кувшин (рис. 6, 38, 40), гончарный чернолощеный кувшин черняховского типа (рис. 3, 36), лепные горшки и тарелки (рис. 3, 33, 39, 44, 45), лепной светильник (рис. 3,

34), стеклянная тарелка (рис. 4, 46). Здесь же обнаружены бронзовое навершие нагайки (рис. 2, 18), фрагмент железного ножа. Еще один нож и кость животного находились в краснолаковом блюде (рис. 3, 31). У черепа погребения II также обнаружены два обломка железных ножей.

Погребение III. Захоронение подростка. На черепе найдены две бронзовые проволочные серьги (рис. 4, 53), в области грудной клетки - бусы и грибовидные янтарные подвески (рис. 4, 54), плоский прямоугольный медальон, состоящий из бронзовых пластин с позолотой и стеклянными

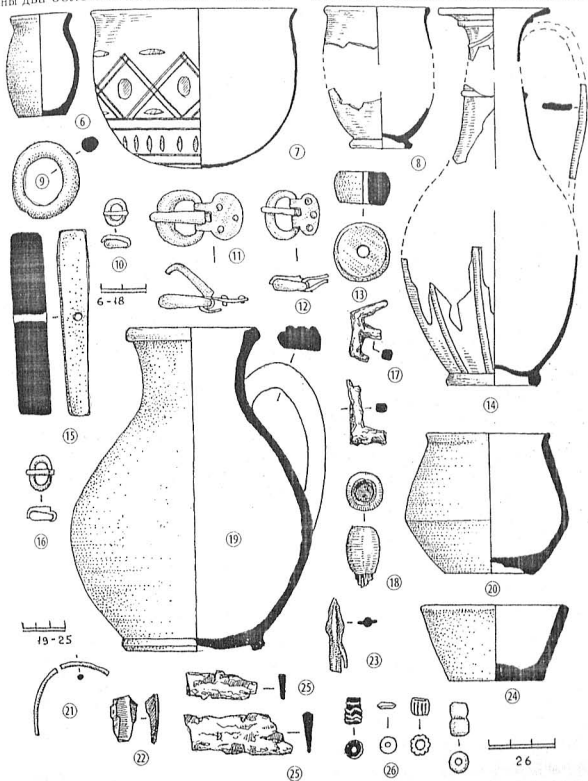


Рисунок 2.

вставками (рис. 4, 47). На кисти правой руки обнаружены бронзовые браслет (рис. 4, 55) и перстень (рис. 4, 48). У левой ноги лежали бронзовый ключ и колокольчик (рис. 4, 49, 51), рядом найдено глиняное пряслице (рис. 4, 52).

Между погребениями II и III лежали бусины (рис. 2, 26) и бронзовый наконечник стрелы VII - VI вв. до н.э., служивший амулетом (рис. 2, 23). За черепом погребения III найдены три светлоглиняные узкогорлые амфоры, одна из них - с дипинти (рис. 4, 56-58).

Погребение IV. Женское. У височных костей найдены две бронзовые проволочные серьги, под нижней частью черепа - ожерелье из бусин и золотых пронизей (рис. 5, 69 в.г.д, 70), у правого локтя - бронзовая фибула (рис. 5, 60) и ожерелье из бус (рис. 5, 69, а, б, е, ж, з); на костях таза - бронзовое орнаментированное зеркало с центральной петлей (рис. 5, 61), разломанное в древности на две части. На фалангах левой руки обнаружены 2 перстня (рис. 5, 66, 72), слева находились бронзовый колокольчик и ключ (рис. 4, 50, 5, 62). В районе коленных суставов зафиксированы фрагменты бронзовых подвесок со стеклянными вставками (рис. 5, 78). Поверх костей ног погребенной лежала узкогорлая светлоглиняная амфора с дипинти (рис. 5, 59). За черепом погребения IV стояло красное лаковое блюдо (рис. 5, 71), в котором найдены кость животного, железный нож, три глиняных пряслица и керамическое грузило (рис. 5, 63 - 65).

Последним в склепе было совершено погребение V, обнаруженное у входа в камеру.

Погребение V. Взрослый человек, сохранность костей очень плохая. На левом запястье обнаружен бронзовый браслет (рис. 5, 75), рядом лежали фрагменты кольца с «шишечками» (рис. 5, 74), на среднем пальце - бронзовый перстень (рис. 5, 73). К северу от погребенного обнаружен железный нож (рис. 5, 76).

Некоторую проблему составляет соотношение с конкретными захоронениями компактной группы вещей в северо-западной части камеры. С одной стороны, их местонахождение как бы указывает на связь с погребением II, но с другой: трудно представить, что ничем не примечательное захоронение подростка сопровождалось столь обильным инвентарем, в то время как в несомненно более значимом воинском захоронении (погр. I) находились лишь два сосуда! Половозростная и социальная дифференциация погребенных в склепе скорее наводят на мысль, что большинство сосудов и других предметов указанной группы сопровождали в загробный мир не подростка, а именно умершего мужчину-воина. Надо полагать, первоначально эти вещи были расставлены вдоль восточной стенки гроба-колоды. В пользу того свидетельствует размещение сосудов, отмеченных №№ 36, 40, 38, 18, 31, 30 и № 24, вдоль одной линии, параллельной колоде. В эту же группу входит и шкатулка с монетами (№№ 3, 17). Нам представляется, что в момент совершения погребения II, часть этих предметов была смещена

с первоначального места и перенесена к северной стенке камеры, в результате чего и оказалась за головой похороненного подростка. Но, при этом, мы не исключаем, что в этой же группе могли оказаться и сосуды, предназначенные погребенному II. Материалы Суворовского и других могильников группы Озерное-Инкерман свидетельствуют о некоторой унификации погребального обряда. Фактически все захоронения сопровождались одним и более сосудами, а потому, отсутствие таковых в захоронении III так же дает основания предполагать, что и они могли быть складированы у северной стенки камеры вместе с посудой погребенных I и II. Однако настаивать на этом не будем. Надо отметить еще и то, что захоронения этой культуры иногда сопровождаются амфорами, обычно по одной на погребение. В таком случае, сразу три амфоры, уложенные на бок за черепом погребения III вызывают недоумение, и на наш взгляд не могут быть соотносены исключительно с этим захоронением. Полагаем - их надо распределить между I и II погребениями (№№ 56,57), с III, в таком случае, можно связать амфору № 58.

Все эти рассуждения не касаются погребения IV, в котором присутствует как посуда с жертвенной пищей (за черепом), так и амфора на костях ног. Если наша теоретическая реконструкция обряда верна, то горшок № 77 принадлежит V погребению, как, впрочем, и амфора в драмосе склепа.

Обратимся теперь к датировке археологического комплекса. На-

помним, что в ряде предыдущих работ, коррелируя материалы раскопок этого и других некрополей группы Озерное-Инкерман, мы сочли возможным отнести материал из склепа ко второй-третьей четвертям IV столетия, синхронизировав его со ступенью СЗ европейской хронологической шкалы¹⁷. Так как порядок совершения захоронений устанавливается без особого труда, а принадлежность большинства вещей конкретным костякам весьма вероятна, мы имеем прекрасный пример внутренней относительной хронологии. Терminus ante quem сооружения склепа определяют 2 римские монеты из захоронения I. Обе они принадлежат чекану Константина Великого (306-337 гг.). Но их осмотр, произведенный Н.А. Алексеевко (которому мы чрезвычайно благодарны) показал, что датировка может быть конкретизирована. Первая из них, со следами потертости, чеканена в г. Кизике между 317-324 гг. а другая - идеальной сохранности (не была повреждена даже тонкая амальгама, покрывавшая монету), выпущена в Фесалониках в период единоличного правления императора, точнее между 326-330 гг.¹⁸ Она и определила вероятное время совершения воинского погребения, первичного в данном склепе.

Набор вещей из склепа 38 довольно типичный для синхронных могильников Центрального и Юго-Западного Крыма. Подобный инвентарь уже неоднократно рассматривался в работах по позднеантичной хронологии Таврики. В данном случае мы сочли необходимым остано-

виться лишь на некоторых категориях находок не привлекавшихся доселе для синхронизации, или тех, чья хронология, предложенная предшествующими исследователями, нам кажется несколько спорной.

Полусферическая стеклянная чаша со шлифованным орнаментом и гравировкой из погребения I (Рис. 2, 7).

Чаши подобной формы были чрезвычайно широко распространены в позднеантичную эпоху на территории всей Европы, везде, где ощущалось влияние провинциально-римской культуры¹⁹, по крайней мере со II-III²⁰ до гуннского времени включительно²¹. Считается, что подобные фиалы являются продукцией мастерских в районе Кельна²². Следы производства отмечены и в Танаисе, до его разрушения в середине III ст.²³ Н.П. Сорокина считает, что в основе их производства лежала не местная традиция, а привнесенная из западных провинций Империи вместе с пленниками, оказавшимися на боспорской окраине в результате «Маркоманских войн» во второй половине II в.²⁴

Имея в виду столь широкие хронологические рамки бытования самого типа фиал и стремясь конкретизировать датировку «суворовского» экземпляра, следует обратиться к технологии и орнаментальному мотиву, представленному на нем. Корпус чаши украшен комбинацией из шлифованных овалов и чечевицеобразных фасеток в сочетании с ромбами, образованными посредством пересечения гравированных линий. Наиболее близкий по композиции и технике исполнения декор присут-

ствует на стеклянной амфоре из Аквинкума²⁵. А. Бургер датирует комплекс данного захоронения концом III-началом IV в. Уточнить предложенную датировку позволяет ряд вещей, сопровождавших это богатое мужское погребение. В частности, здесь представлен усеченно-конический стеклянный бокал и пряжка с фасетированным язычком²⁶. Аналогичное сочетание предметов зафиксировано в погребении 198 Трицианы²⁷ с фибулой типа Келлер 4 (третья четверть IV в.)²⁸, датировку подтверждает наличие в нем пряжки с В-образной рамкой. По-видимому, упомянутый комплекс характеризует верхнюю абсолютную дату бытования подобных бокалов, т.к. бокалы последней четверти IV в. и более поздние имеют коническую форму. Кроме перечисленных вещей в погребении из Аквинкума зафиксированы еще две стеклянные амфоры, также с гравировкой в виде «сот» и шлифованных фасеток. В черняховской культуре чаши с этим орнаментом найдены в комплексах 3 периода (310/320-350/355 гг.)²⁹, Е.Л. Горюховский включает их в «косановскую» фазу³⁰, соответствующую ступени С3 европейской хронологической системы Я. Тейрала.

Другая, крайне близкая аналогия гравированному орнаменту в виде ромбов представлена на амфоре из разграбленного склепа на Тарханской дороге (Керчь)³¹. Предполагая кельнское происхождение амфоры, И.П. Засецкая датирует ее, как и основную массу богатых боспорских склепов, последней четвертью IV - первой половиной V в. Не оспаривая,

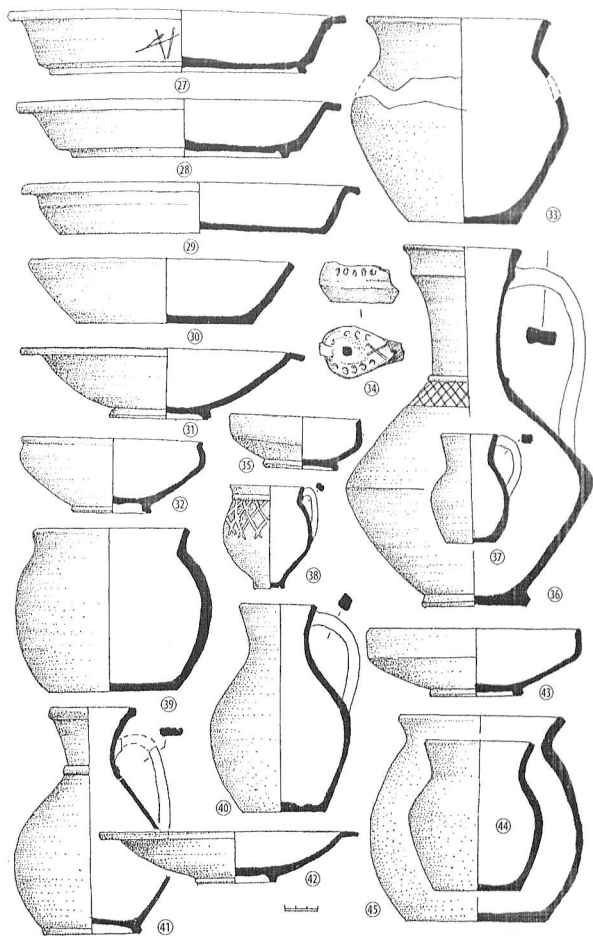


Рисунок 3.

Инвентарь склада 38.

присутствие в составе инвентаря данного склепа типичных для гуннского времени предметов, заметим, что ряд находок отсюда все же относится к предгуннскому времени. Это - отчеканенная монета Лициния (307-323 гг.), статер Фофорса 293 г. чеканки, поясной наконечник, лучковые одночленные и двучленные фибулы³² типичные для времени не позднее первой половины IV столетия. Следует остановиться и на самой форме амфоры. Формально она относится к типу Эггерс 245³³. Ранние образцы (второй половины III в.) отличаются стройными пропорциями удлиненного тулова, в то время как керченская амфора (как и амфора из упомянутого погребения Аквинкума³⁴) более всего напоминает сосуд, найденный совместно с монетой Константина II (337-340 гг.)³⁵. Поэтому нам кажется более вероятным, что керченская амфора, равно как и амфоры из Аквинкума могут быть датированы в пределах первой, а не второй половины IV в. Напомним, что о возможности отнесения части материалов из керченских склепов к догуннскому времени в свое время писали М.Б. Шуклин и И.А. Бажан³⁶. Орнамент в виде ромбов на полусферических фиалах сохраняется и позднее, например чаша из 154 склепа Госпитальной улицы³⁷, однако это уже не гравировка, а накладные полосы синего стекла, т.е. техника, получившая распространение не ранее второй половины - последней четверти IV в., да и местом производства таких сосудов считается не Келья, а Ближний Восток. В результате, можно с большой долей вероятности констатиро-

вать, что западноримская стеклянная посуда с орнаментом в виде овальных шлифов и гравированных ромбов наиболее характерна для первой половины IV столетия и, в целом, является показательной для стадии С3 европейской хронологии.

Бронзовый наконечник нагайки, относящийся по нашему мнению к погребению 1 (рис. 2, 18). Прежде подобные навершия не привлекались для синхронизации комплексов. Как аналогии можно привести навершие из 28 погребения Суворовского некрополя³⁸, сопровождавшегося амфорой типа F, книжалом с вырезами у рукояти и пряжками, типологически близкими найденным в погребении 1 склепа 38. Такие же пряжки и оконцеватель обнаружены в катакомбном погребении у с. Лимеревка на Луганшине³⁹. К этому перечню можно добавить погребение из Веселой Роши⁴⁰, отнесенное М. Казанским к первой половине IV в.⁴¹ Датировочное значение для таких наверший имеет публикуемый комплекс 38 склепа, поэтому временем их бытования надо считать вторую четверть IV столетия.

Нагрудное украшение из погребения III (рис. 4, 47), состоящее из прямоугольной бронзовой пластины-основы, с двумя рубчатыми петлями, закрепленными с тыльной стороны. Пластина, на которой крепились гнезда для центральной (прямоугольной пастовой) и угловых - каплевидных, вставок (из прозрачного стекла оливкового цвета) с внешней стороны обтянута позолоченной фольгой с пуансонным орнаментом в виде S-завитков⁴² (имитирующим зернь) и рубчатых поясков.

Техника, в которой выполнено украшение, в значительной степени напоминает стиль «Кишпек-Градешка»⁴³. Этапы формирования выше-названного стиля (распространенного в междуречье Дуная и Дона, на Северном Кавказе и в Крыму) и его хронология все еще остаются не вполне ясными. Обычно его датируют, по большей части условно, второй половиной III в. Мы полагаем, его следует относить к периоду последней четверти III - первой четверти IV вв.⁴⁴ В данном же случае, по условиям находки, суворовский экземпляр не мог быть помещен в могилу ранее второй четверти IV столетия. В принципе, находки украшений «кишпекского» стиля в крымских комплексах IV столетия - случай не уникальный⁴⁵. Но, обычно, это явно «старые» вещи, попавшие в захоронение с опозданием, относительно даты изготовления. Пластина из Суворовки, по ряду признаков, все же отличается от них. Иная форма вставок и декор выдают в ней продукт дальнейшего развития стиля, показательный как раз для IV в. В частности - орнамент из S-видных завитков, который мы находим, например, на двухпластинчатых фибулах ступени D1 (360/370-400/410 гг.) из Керчи⁴⁶. Упомянутые застежки обтянуты золотой фольгой и украшены, как и в Суворовке, каплевидными вставками. Поэтому, нам представляется, что декор, публикуемого украшения занимает промежуточное положение между «кишпекским» стилем и технологией изделий раннегуннской эпохи.

Бронзовые браслеты в виде круглого стержня со сплошной прово-

лочной обмоткой, найдены в женских захоронениях III (рис. 4, 55) и V (рис. 5, 75). Их устройство можно реконструировать на основе аналогичного изделия из могилы 7/13 Инкермана⁴⁷. Абсолютные даты таких браслетов позволяют установить находки из некрополя Каллатиса, где они встречены в ряде могил: в 53 с чеканом Константина Великого, типа «URBS ROMA», Константина II и Константа (330-335 и 341-346 гг.), в мог. 345 с монетами 367-375 гг. и в мог. 347, с монетами Констанция II (351-360 гг.)⁴⁸. В целом, ту же хронологию дает христианский некрополь Трицианы (второй-последней четверти IV в.). В погребении 73, браслет найден с монетой 346-354 гг.⁴⁹ Более ранняя по времени монета Лициния (308-324 гг.) и подобный браслет находилась в комплексе могилы 7/13 Инкермана: возможно она попала сюда с «опозданием» и не отражает реальной даты его составления. Так что вышеупомянутые браслеты, скорее всего, следует датировать 50-70 гг. IV в.

Подвязная массивная фибула с плоской фасетированной спинкой из погребения IV (Рис. 5, 60) может быть причислена к типу Б36 по Горюховскому⁵⁰, показательному для «Косановской фазы» черняховской культуры, соответствующей ступени С3 европейской хронологии⁵¹. А.К. Амброз относит их к 3 варианту и датирует IV в., замечая, что для гуннской эпохи они не характерны⁵². Возможным типологическим развитием таких застежек можно считать фибулы, датированные 330-400 гг.⁵³, поздний вариант которых отмечен в

инвентаре Лучистинского могильника ступени D1⁵⁴.

Бронзовое зеркало с центральной петлей из погребения IV (рис. 5, 61).

Подобные ему зеркала имели, по всей вероятности, не столько бытовое назначение, сколько использовались в качестве амулетов солнечного культа. Отсюда обычай их поломки или деформации при совершении погребения.

Наиболее ранние из них происходят из Предкавказья, из захоронений второй половины II - первой половины III в. н.э., хотя и там они не слишком многочисленны и несколько иначе орнаментированы⁵⁵. На Северном Кавказе зеркала - характерный признак материальной культуры второй половины III - IV и V столетий⁵⁶. Традиции их изготовления и помещения в могилы чрезвычайно устойчивы существуют очень долго, вплоть до позднего средневековья.

Производство зеркал с центральной петлей в Нижнедонском регионе фиксируется уже около середины III в.: в Танаисе в слое разрушения найдена форма для их отливки⁵⁷. В кочевнических погребениях они известны с начала IV в.: в комплексе у хут. Павлов зеркало найдено с провинциально-римской застежкой «Bügelknopffibel»⁵⁸ периода C3/D по К. Годловскому / 1970 (т.е. первой половиной IV в.)⁵⁹ К тому же времени может быть отнесено и зеркало из Кишпека⁶⁰. «Развитым» IV в. датируется комплекс из Воронежской⁶¹. Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, появление зеркал с центральной петлей в Кры-

му несколько «запаздывает». Кроме публикуемого изделия из Суворовки, зеркало такого типа найдено в могиле 11 / 29 Инкермана⁶², вместе с двухпластинчатой фибулой ступени D1 (360/370-400/410 гр.)⁶³. Также датируются ранние захоронения памятников типа Скалистое - Лучистого⁶⁴ и синхронное им раннегуннское захоронение в кургане у с. Изобильное в Крыму⁶⁵. Сходная ситуация наблюдается и на Боспоре, где зеркала с центральной петлей распространены в комплексах не ранее середины - последней четверти IV в.⁶⁶ Поэтому, мы предварительно, с учетом Суворовского захоронения, предлагаем рассматривать крымские зеркала с центральной петлей в качестве хроноиндикатора рубежа ступеней C3/D1. С гуннами и подчинившимися им нижнедонскими аланами⁶⁷ зеркала проникают в Западную Европу⁶⁸. В. Кузнецов даже предлагает считать их главным критерием при выделении аланских погребений среди захоронений разноэтничных варваров, наводнивших Европу в гуннскую эпоху⁶⁹.

Бронзовый массивный литой колокольчик лировидной формы (Рис. 5, 62) из погребения IV. Среди крымских находок аналогий нам отыскать не удалось. Колокольчики, считающиеся предметами римского импорта, известны в Восточной Пруссии и относятся к периоду C1a-C1b⁷⁰. Как известно, эту переходную фазу К. Годловский датирует на основании монетных находок 220/230 гг.⁷¹ Колокольчик, обнаруженный в суворовском склепе - явный амулет и при такой его датировке, конечно, не может служить хронологическим репе-

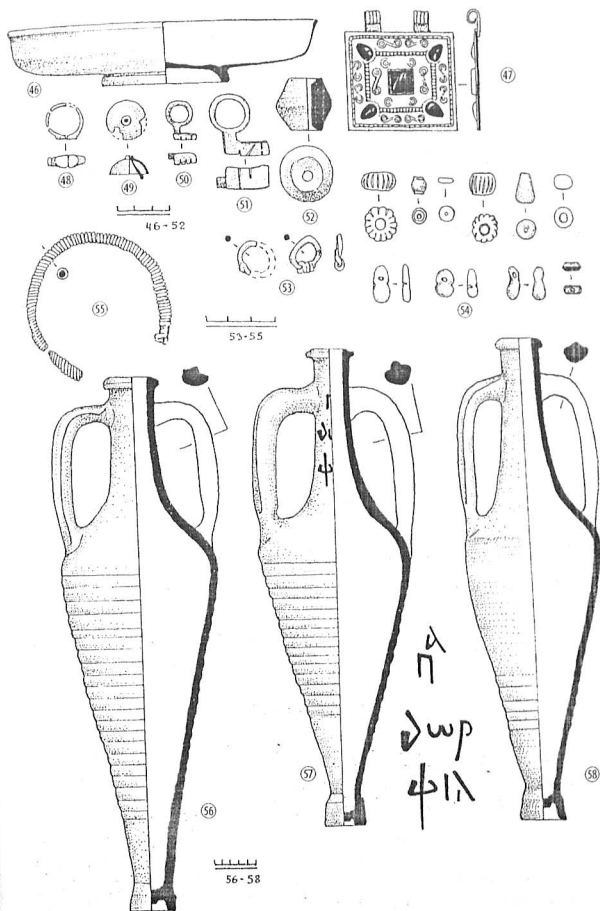


Рисунок 4.

Инвентарь склепа 38.

ром для погребения. Но эта редкая находка косвенным образом указывает на направление и время продвижения населения, потомки которого стали одним из компонентов в формировании жителей Крымских предгорий в IV столетии.

Некоторые типы краснолаковой посуды (рис. 3, 27, 28, 5, 71) и амфоры типа F по Шелову (рис. 4, 56-58, 5, 59).

Датировка данных категорий инвентаря IV в. в целом, особых возражений, в общем-то, не вызывает⁷².

Но вопрос о нижней и верхней хронологической границах такой посуды остается дискуссионным. Особенно отчетливо это заметно на примере разработок А. В. Сазанова.

Амфоры типа F, их появление в крымских комплексах А. В. Сазанов первоначально так же относил к IV ст.⁷³ Но затем, в специальной работе, посвященной светлоглиняным амфорам, решил реанимировать, как казалось, устаревшую идею о бытовании этих амфор уже во второй половине III в.⁷⁴ Причем автор скорее констатирует, нежели аргументирует, пересмотр сложившейся датировки, а его ссылки на отдельные комплексы не представляются нам убедительными. Известно, что амфора из Воронежской, отнесенная некогда Н. В. Анфиловым к третьей четверти III в.⁷⁵, в действительности принадлежит к IV столетию, на это указал в свое время А. И. Айбабин⁷⁶, признает это и А. В. Сазанов. Но ко второй половине III в. уверенно не могут быть отнесены и амфоры из Чубовки⁷⁷, так как происходят из разрушенных погребений, а не закрытых комплексов.

Не вызывает сомнений и тот факт, что сам некрополь не может быть узко датирован в пределах исключительно второй половины III в.: на его территории совершались погребения и в следующем столетии, показатель тому костяной гребень Томас III из погребения 2. Как пример, А. В. Сазанов приводит тарный сосуд из неопубликованного комплекса склепа 2 могильника Перевальное в Центральном Крыму⁷⁸. В этом случае, налицо явное недоразумение: в действительности, состав вещевого инвентаря, указывает исключительно на IV в.⁷⁹ Вместе с тем, классификация морфологических признаков амфорной тары, в том виде как она подана А. В. Сазановым (и прежде всего в плане выделения «раннего» варианта) на практике «не работает», что показали новейшие исследования В. В. Кропотова⁸⁰. Подобное «расчленение» сосудов, лишь запутывает читателей. Данный метод применим лишь после детальной классификации целых форм, отличающихся значительным разнообразием и размерами, но с сохранением основных пропорций⁸¹. Как нам представляется, вторую половину III в. как начальный этап производства и бытования амфор типа F следует полностью исключить ввиду отсутствия надежных к тому оснований. Иной вопрос: в какой четверти IV ст. данные амфоры появляются в Причерноморских комплексах, или с другой стороны: на каком этапе прекращают использоваться предшествующие в типологическом ряду амфоры D, являющиеся безусловным хроноиндикатором для III столетия? Сейчас стало оче-

видным, что амфоры D (иное название «танаисского типа») встречаются и в комплексах после разрушения Танаиса в сер. III столетия⁸². В север-причерноморских древностях отчетливо выделяется некий горизонт, для которого показательным сочетанием ювелирных изделий, выполненных в стиле «Кишпек»⁸³, ранних вариантов фасетированных пряжек, поясных наконечников, двучленных лучковых фибул, черняховской гончарной посуды и амфор D⁸⁴. В Таврике он представлен репрезентативными комплексами могилы 9/35 Черноречья⁸⁵ и еще рядом погребений позднеантичного некрополя Дружное⁸⁶. Но, если для первых трех четвертей III в. наблюдается довольно жесткая стандартизация типа D, то в погребениях упомянутого горизонта, формы амфор становятся не устойчивыми, проявляются новые модификации⁸⁷. По-видимому, мы сталкиваемся с некой сменой традиций в производстве, поиском новых форм, предшествующим сложению «классического» облика типа F. Абсолютная хронология данного горизонта «Кишпек-Градешка» пока точно не установлена. Традиционно его датируют в пределах второй половины III в. Сам кишпекский комплекс М.Казанский предложил «омолодить» до первой половины IV в.⁸⁸ Мы склонны относить этот горизонт ко времени после завершения «готских походов», условно между 270/280-310/320 гг.⁸⁹ Тогда объясняется находка амфоры типа D в погребении черняховской культуры Оселивка, 86 совместно со стеклянным кубком типа Варпелев-Сакрау⁹⁰ первой половины IV в.

Совместно с амфорами F в погребениях зачастую встречаются краснолаковые блюда большого диаметра (рис. 3, 27, 28; 5, 71). Не погрешим против истины, если скажем, что они составляют неотъемлемую часть материальной культуры варварского населения предгорий как раз IV в. Между тем, в последние годы в статьях по проблемам позднеантичной истории Крыма стало обычным причислять эти изделия к группам «Африканские краснолаковые сосуды» (ARSW, 62B) (см. рис. 5, 71) и «Поздний римский C» (LR, C.2) (см. рис. 3, 27, 28) по классификации Дж. Хейса⁹¹. Особенно настаивает на этом А.В. Сазанов⁹², но опять же не приводя весомых доказательств, подтверждающих тождество этих типов с крымской посудой. Такое априорное отождествление северопонтийских сосудов с Африканской или Фокейской группой керамики кажется нам не столь уж очевидным. Изначально в отечественных разработках была допущена серьезная ошибка, прежде всего в отношении классификации блюд типа (рис. 3, 27, 28). Они представлены, по крайней мере, двумя вариантами, отличными по хронологии и морфологическим признакам, наиболее показательным из которых является ширина отогнутого бортика. По странному стечению обстоятельств, публикации обыкновенно иллюстрируют «поздним вариантом» с широким бортиком⁹³. В итоге, приняв за исходную точку отсчета даты Дж. Хейса (350-425 гг. для ARSW, 62B и 370-450 гг. для LR, C.2., что соотносится со ступенями C3/D2 и D1/D2) А.В. Сазанов счел не-

обходимым пересмотреть хронологию ряда ключевых комплексов Боспора и Херсонеса⁹⁴. Это естественно, должно повлиять и на синхронизацию погребений культуры Озерное-Инкерман. У нас вызывает серьезные сомнения достоинства пути «механического переноса» типологии Хейса на крымский материал. В действительности, изображенные в книге Дж. Хейса формы по профилю лишь отдаленно напоминают сосуды из Северного Причерноморья. Последние отличаются, в частности, иной формой бортика и заметной «закраиной» в месте перехода нижней части стенок к кольцевому поддону (рис. 3, 27, 28, 5, 71). Этот технологический признак отмечается на блюдах обеих форм, что выдает в них изделия единого круга, а не двух разных, территориально удаленных центров. Визуальный осмотр фрагментов керамики, которые с большой долей вероятности могут действительно рассматриваться как продукции Северной Африки, показал иной состав глины и характер лакового покрытия⁹⁵, нежели на крымских экземплярах. А.Г. Атавин и А.И. Айбабин, поначалу, более осторожно подошли к вопросу определения северопонтийской керамики по классификации Хейса, указав лишь на возможное сходство⁹⁶. Но позднее, А.И. Айбабин, приняв версию А.В. Сазанова, так же обозначил ряд сосудов как тип ARSW 62B. Когда же, в результате, проявилось несоответствие предложенной им детальной хронологии крымских комплексов с крайними датами Хейса, то, по видимому, стремясь преодолеть это

затруднение, он отнес сосуды (типа рис. 5, 71), более ранние к типу ARSW 50 (для комплексов ступени С3 - вторая группа по Айбабину), а более поздние (ступени D1 - третья группа по Айбабину) к ARSW 62 B⁹⁷. Кажется образовался «порочный круг», когда в одних работах хронология комплексов определяется исходя из неверной типологии, в других - несоответствия в хронологии порождают дробную классификацию, опять же не соответствующую исходной. Во избежание всей этой путаницы, дабы «не плодить сущностей», нам представляется необходимым на данном этапе воздержаться от использования для этих типов керамики классификации Дж. Хейса. Он, напомним, создавал ее не обладая надежными сведениями о северопричерноморском керамическом комплексе, да и такой задачи перед собой не ставил. Сам автор типологии, ставшей ныне столь популярной в отечественной литературе, сейчас склонен выделять еще и так называемую «Понтийскую сигиллату»⁹⁸, может быть в эту группу со временем придется включить и блюда означенных типов. Так считает например К. Домжалский⁹⁹. Его замечание относительно псевдо- ARSW, 62B и LR, C 2 нам кажется особенно ценным и своевременным! Хотя до проведения дополнительных исследований, «гомогенность» самой ново-выделенной группы проблематична, как и «привязка» отдельных ее типов к производственным центрам античности. Как неоднократно указывалось, начальный этап распространения красняковых блюд большого

диаметра определяется на основе встречаемости с монетами 306-337 и 305-311 гг. и вещами ступени СЗ. Нет сомнений, что такая посуда про-

должала бытовать и во второй половине IV столетия¹⁰⁰.

Не менее существенен и вопрос о верхней дате краснолаковых блюде и

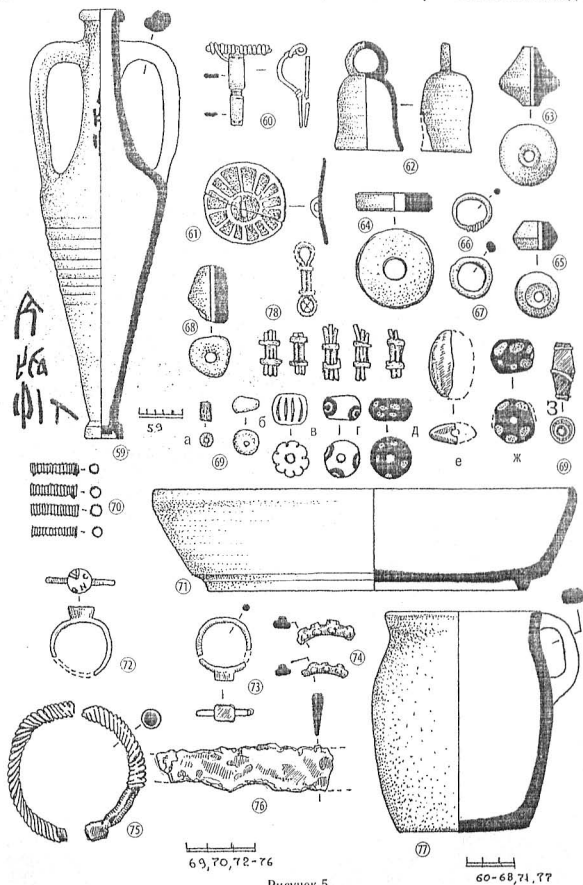


Рисунок 5.

Инвентарь склепа 38.

амфор типа F. В работе 1989 г. светлоглиняные амфоры А.В. Сазанов датировал до середины V - второй четверти VI столетия, затем в специальном исследовании, ограничил серединой V в¹⁰¹, а недавно предложил считать пределом их распространения последнюю четверть V в¹⁰². Для так называемых формы ARSW, 62B и LR,C2 он предлагает принять как верхнюю дату - третью четверть VI в¹⁰³ (что явно противоречит хронологии Дж. Хейса). Весь парадокс состоит в том, что для определения позднейшего рубежа, автор пользуется обычно фрагментарными находками из слоев городищ. А ведь их лишь с большой натяжкой можно считать закрытыми комплексами. Если к тому прибавить, что жизнь на большинстве из них (Херсонес, поселения Боспора) не прекращалась до ранневизантийского времени, то становится очевидным: возможность проникновения в более поздние слои вышедшей из употребления битой посуды в виде мусора не исключена, если не закономерна. Тогда не имеем ли мы дело просто с обычной «примесью снизу», хорошо знакомой археологам? Конечно, в каждом отдельном случае надо учитывать специфику памятника, но строить на этом материале далеко идущие выводы довольно опасно.

Важнейшим хронологическим репером в определении конечного цикла бытования рассматриваемых типов посуды, как нам представляется, являются ранние погребальные комплексы попятников типа Скалистое-Лучистое. Датировка этих погребений ступенью D1/D2, а точнее,

последней четвертью IV - первой половиной V вв. серьезных возражений не вызывает¹⁰⁴.

Пока здесь не известно ни одного случая находок амфор типа F¹⁰⁵, а что касается краснолаковой посуды, то можно привести блюда типа рис. 5, 71¹⁰⁶, тогда как блюда типа рис. 3, 27, 28 «классической» (для предгорий) формы тут не представлены. Вместо них присутствуют блюда, отличающиеся широким бортиком¹⁰⁷. Нам представляется, они являются развитием типа рис. 3, 27, 28, на это указывает характерная для тех и других «закраина» в основании тулова. Наиболее ранний датированный образец такого рода сосудов происходит из Инкерманского склепа 5, где обнаружена монета Феодосия I (379-395 гг.)¹⁰⁸.

Другим важным репером для хронологизации является варварское поселение, устроенное на руинах Та-наиса, судя по монетам и другому инвентарю, не ранее последней четверти IV в¹⁰⁹. В отличие от иных боспорских городов, здесь наблюдается разрыв традиций, поэтому его керамический комплекс демонстрирует «срез» материальной культуры населения Причерноморья показательный именно для гуннского времени. На проверку оказывается, что целых форм амфор F здесь так же нет, их полностью сменяет следующий в генетическом ряду тип E¹¹⁰. Ссылка А.В. Сазанова¹¹¹ на находку, якобы, амфоры F¹¹², представляется не вполне корректной: на рисунке в статье Д.Б. Шелова представлена лишь верхняя часть сосуда, который в равной степени можно причислить как к

типу F, так и к типу E, а с учетом вышесказанного, последнее более вероятно. Обнаруженная в слоях последнего периода Танаиса краснолаковая посуда представлена типом рис. 5, 7¹¹³, блюда типа рис. 3, 27, 28 не встречаются, зато, них находят сосуды с широким бортиком¹¹⁴, такие же, как и в крымских захоронениях последней четверти IV - первой половины V в. При обосновании верхней хронологической границы бытования рассматриваемых типов краснолаковой посуды, до второй половины VI в., А.В. Сазанов и А.И. Айбабин¹¹⁵ ссылаются на материалы захоронений могильника Дюрсо¹¹⁶ и цебельдинского некрополя Церковный холм¹¹⁷. Но такой вывод на кажется нам безупречным: набор вещей из погребения 479 Дюрсо (к которому приписаны пряжки I пол VI в.) нельзя признать безусловно достоверным: захоронение сильно повреждено при строительстве водохранилища. К сожалению, А.В. Дмитриев точно не указывает какие из вещей зачищены *in situ*, а какие переданы рабочими. Спорным, в плане хронологии, этот «комплекс» можно считать уже потому, что к нему отнесен стеклянный конический кубок на кольцевом поддоне¹¹⁸, форма которого находит соответствия в могильниках Западной Европы с монетами конца IV и вещами первой половины V в.¹¹⁹, по шкале цебельдинских древностей их датируют в рамках 425-450 гг.¹²⁰ Поэтому, мы не в праве исключать возможность принадлежности реконструируемого комплекса двум разновременным захоронениям. Не могут столь поздно

датироваться и упомянутые ингумации на территории Церковного холма, в этом случае, авторы не критически восприняли хронологию Ю.Н. Воронова и В.А. Юшина¹²¹. В погребении 6 обнаружен конический кубок с каплями синего стекла, а в захоронении 5 - железный умбон, являющийся вариантом типа Цилинг H1, датируемый М. Казанским, в контексте сопровождающего инвентаря, треть четвертью V в.¹²² Не противоречит этому и находка стеклянного бокала с фестонами из нитей синего стекла¹²³. В цебельдинской культуре эти бокалы встречаются в погребениях, начиная с периода 8 (425-450)¹²⁴. Более точной нам представляется периодизация цебельдинских некрополей О.А. Гей и И.А. Бажана, синхронизировавших рассматриваемые блюда с находками первой - второй четвертей V в.¹²⁵

Из вышесказанного следуют, на наш взгляд, следующие заключения:

1. Амфоры типа F появляются в комплексах в первой половине IV в., скорее всего во второй его четверти и бытуют до последней четверти столетия. Тем самым являются хорошим репером для периода крымских древностей, синхронного ступени С3.

2. Краснолаковые блюда с узким бортиком типа рис. 3, 27, 28 не могут быть с уверенностью относимы к группе «Поздний римский С. 2». Они имеют иное происхождение и датировку, являясь показательными для комплексов первой половины - третьей четверти IV в., что так же, в целом, соответствует ступени С3. В последней четверти IV - начале V в. (на ступени D1), может быть в эпоху

Феодосия Великого (379-395 гг.) их сменяют типологически близкие, но не тождественные блюда с широким массивным венчиком, которые бытуют, вероятно, весь V в.

3. Блюда (типа рис. 5, 71), принятые А.В. Сазановым за «Африканские краснолаковые сосуды» формы 62В, по-видимому, таковыми не являются. Некоторые технологические приемы выдают в них родство с типом рис. 3, 27, 28. Однако, появившись в первой половине IV в., они без принципиальных изменений бытуют более длительный период, конец цикла их распространения определяют комплексы, синхронные со стадией D1., а может и более позднего времени.

4. Датировка краснолаковой посуды типа рис. 5, 71 и блюд с широким бортиком (см. раздел 3) вплоть на третьей четверти VI в. кажется нам ошибочной и основанной либо на не достоверных комплексах, либо на неверной их интерпретации и синхронизации с другими группами на-

ходок. Время их бытования может быть ограничено первой половиной V в., хотя не исключено, что некоторые экземпляры «оседали» в погребениях, совершенных во второй половине столетия.

Подводя итог нашего исследования, скажем, что, как нам кажется, мы привели достаточное число аргументов, чтобы датировать публикуемый склеп в пределах второй-третьей четверти IV столетия. Мы полагаем, что таким же образом датируются и большинство других захоронений, причисляемых к группе Озерное-Инкерман. Основная часть их инвентаря представлена типами, синхронизируемыми со ступенью С3 европейской хронологии. Вещи периода С2 иногда в них встречаются, но не составляют единого комплекса, представляя собой «наследие» прошлой эпохи. Столь же редки, если не исключительны, предметы последующей ступени D1 (в Дружном¹²⁶ и Инкермане¹²⁷).

КАТАЛОГ ИНВЕНТАРЯ ИЗ СКЛЕПА 38 СУВОРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА*

НИША:

5. Бальзамарий стеклянный (стекло прозрачное с зеленоватым оттенком).

ПОГРЕБЕНИЕ I

1-Кинжала железного фр-т; 2- наконечника копья втулки железной фр-т; 3,4- шкатулок накладки бронзовые; 6-горшок лепной; 7-чаша стеклянная (стекло полупрозрачное зеленоватого оттенка); 8-стакан стеклянный (стекло прозрачное с зеленоватым оттенком); 9-кольцо бронзовое; 10-пряжка серебряная; 11, 12-пряжки бронзовые; 13-пряслище известняковое; 14 - кувшин стеклянный (стекло прозрачное зеленоватого оттенка); 15-оселок каменный; 17 - детали шкатулки железные; 19-кувшин краснолаковый.

* Номера каталога соответствуют номерам на плане склепа (рис. 1) и на иллюстрациях инвентаря (рис. 1-5)

ПОГРЕБЕНИЕ I (?)

скопление инвентаря за черепом погребения II.:

18 - Навершие нагайки бронзовое; 27, 28, 31, 32, 35, 41-43 - сосуды краснолаковые; 29-тарелка, покрытая темно-серым лаком; 33, 37, 39, 44, 45 - сосуды лепные лощеные; 36, 40- кувшины гончарные сероглиняные, лощеные; 38-кубок гончарный с росписью белой краской; 34-светильник лепной; 46-тарелка стеклянная (стекло прозрачное, зеленоватое).

ПОГРЕБЕНИЕ II:

16 - пряжка бронзовая; 20-кубок краснолаковый; 22-отщеп кремневый; 25-ножей железных фр-ты; 21-браслет бронзовый.

ПОГРЕБЕНИЕ III:

47- украшение бронзовое с позолотой; 48-перстень бронзовый; 49-колокольчик бронзовый; 51-ключ бронзовый; 52-пряслице глиняное; 53-серьги бронзовые; 54-бусы пастовые и подвески янтарные; 55-браслет бронзовый.

МЕЖДУ ПОГРЕБЕНИЯМИ II-III:

23- наконечник стрелы бронзовый; 26-бусы пастовые;

ЗА ЧЕРЕПОМ ПОГРЕБЕНИЯ III:

56-58-амфоры светлоглиняные (№ 57 - с дипинти красной краской)

ПОГРЕБЕНИЕ IV:

50-ключ бронзовый; 59-амфора светлоглиняная с дипинти красной краской; 60-фибула бронзовая; 61-зеркало бронзовое; 62-колокольчик бронзовый; 63-65- пряслица глиняные; 66-серьга бронзовая; 69-бусы стеклянные; 70-пронизи золотые; 71-блюдо краснолаковое; 72-перстень бронзовый; 78-подвески бронзовые со стеклянными вставками.

ПОГРЕБЕНИЕ V:

73- перстень бронзовый; 74-кольцо бронзовое, фрагментированное; 75-браслет бронзовый; 76-нож железный; 77- сосуд лепной

Примечания

1. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. К. 1972. С.24,25, 64; Колтухов С.Г. Укрупления Крымской Скифии. Симферополь, 1999. С. 119-120.
2. Кутайсов В.А. Городище первых веков н.э. на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н.э. К. 1983. С. 147-148.
3. Пиоро И.С., Герцен А.Г. Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области // НС. 1975. №5
4. Кутайсов В.А. Городище первых веков н.э. на горе Тас-Тепе в Крыму. С. 147-148. Рис. 3,4.
5. А.Е. Пузровский, Ю.П. Зайцев, И.И. Неневоля. Новые памятники III - IV вв.н.э. в Юго-Западном Крыму // Византия и Крым. Тез. докл. конф. Симферополь, 1997; Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // АИК 1994 г. Симферополь, 1997.
6. Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. С. 102-114; Зайцев Ю.П. Юрочкин В.Ю. Отчет об охранных археологических исследованиях позднеантичных могильников у сс. Суворово Бахчисарайского района и Вишневое, зоны г. Севастополя республики Крым в 1996 г. // Научный архив КФИА НАН Украины.

7. Юрочкин В.Ю. О хронологии Суворовского позднеантичного могильника // Никокий и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997.
8. Юрочкин В.Ю. Памятники группы Озерное-Инкерман в позднеантичном Крыму // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. конф. Севастополь, 1997.
9. Юрочкин В.Ю. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999. С.281.
10. Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсонеса в IV в. // МАИЭТ. 1994/95. С. 551-560, Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. М. 1997. Часть 2. С. 85-95; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С.47- 48.
11. Сидоренко В.А. Федераты Византии в Юго-Западном Крыму. Автореф. канд. дисс. Спб., 1994. С. 11-13; В.М. Зубарь. Херсонес Таврический и Римская империя. К. 1994. С.122-125; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. К, 1998. С. 153-158; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 34-40; Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. К, 1999. С. 178. Гудименко И.В. Этно-политическая ситуация на Нижнем Дону в эпоху готских походов // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тез. докл. VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону, 1998. С. 95.
12. Ландов С.Б. Голенко В.К. О западной границе Боспора в IV в. н.э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Спб., 1999
13. Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М, 1997.
14. Станг Х. Наименование Руси (герульская версия). Спб., 2000.
15. Голенко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В. Рунический камень с г. Олук в Крыму и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // Древности Боспора. М, 1999, Вып.2.: Шукин М.Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина-Констанция, или что такое черняховская культура? // STRATUM plus. 1999. № 4.С.68. Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском / 100 лет черняховской культуре. К, 1999.
16. Авторы крайне признательны начальнику Альминской экспедиции Крымского филиала института археологии НАН Украины Александру Евгеньевичу Пуздровскому, предоставившему возможность публикации этого интересного комплекса.
17. Юрочкин В.Ю. О хронологии Суворовского позднеантичного могильника // Никокий и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С.309; Труфанов А.А. Юрочкин В.Ю. Боспоро-херсонесские отношения и этно - политическая ситуация в Крымской Скифии III- IV вв. н.э. // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Материалы научной конференции, Спб., 1999. С. 245, 246, Рис.1
18. Robertson A.S. Roman Imperial Coins in the Hunter coin Cabinet University of Glasgow. Oxford, 1982 С. 198, Таб. 51, 284, С. 207-208, Таб. 53, 256-259.
19. Eggers H.J. Der romische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951. Таб. 15, 211-213, 215-226, 16, 227-229; Nasman U. Glas och handel i senromersk tid och Folkvandringstid. Uppsala, 1984. С.27
20. Сорокина Н.П. Стежлянная посуда как источник по истории экономических связей Причерноморья и локального стеклоделия первых веков н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы., М, 1982. Труды ГИМ. Вып. 54. Часть 2. С.40, Рис. 1-3,5.
21. Засеcka И.П. Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). Спб., 1994. С. 177, Таб. 24,10; Гей О.А. Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов». М, 1997. Таб. 70,7; Nasman U. Glas och handel i senromersk tid och Folkvandringstid. С. 44-46; Vetri Romani del Cantone Ticino, 1988. С.129. №163

- 22 Freimdsdorf F. Figürlich geschliffene Glaser. Eine Kölner Werkstatt des 2. Jahrhunderts. // *Römische Forschungen*. 1951. Т. 19. С. 19-21; Н. Кунина. Античное стекло в собрании Эрмитажа, СПб. 1998. С. 210-211. Кат. 333.
- 23 Арсеньева Т. М. Науменко С. А. Усадьбы Танаиса. М. 1992. С. 21, Рис. 96
- 24 Сорокина Н. П. Стеклянная посуда как источник по истории экономических связей Причерноморья и локального стеклоделия первых веков н. э. С. 41.
- 25 Burger A. Spätromische graber in Aquincum // *Budapest Regisegei*. 1984. Т. XXV. С. 81, Рис. 27, 10, 36, 10, 39.
- 26 Burger A. Spätromische graber in Aquincum. Рис. 28, 13.
- 27 Burger A. The late roman cemetery at Sagvar // *AA*. 1966. Т. XXV. F. 3-4, Рис. 109.
- 28 Keller E. Die spätromische Grabfunde in Südbayern. München, 1971. С. 38-45
- 29 Гей О. А. Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов». М. 1997. Таб. 68, 18
- 30 Гороховский Е. Л. Хронология черняховских памятников Лесостепной Украины // *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. К. 1988. Т. 4. С. 35, 45, Рис. III.3
- 31 ОАК за 1913-1915 гг. СПб. 1918. С. 100-102, Рис. 167; Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. // *МАИЭТ*. 1993. Вып. III. С. 92. Кат. 367, Таб. 63; Н. Кунина. Античное стекло в собрании Эрмитажа, СПб. 1998. С. 332. Кат. 400, Рис. 190
- 32 Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. Кат. 358, 371 а, б.
- 33 Eggers H. J. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951. Таб. 16, 245.
- 34 Burger A. Spätromische graber in Aquincum. Рис. 36, 12
- 35 Bohme H. W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire. München, 1974. С. 324. Таб. 130.
- 36 Бажан И. А. Шукин М. Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клаузонне эпохи Великого переселения народов // *АСГЭ*. 1990. № 30. С. 92.
- 37 Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. // *МАИЭТ*. 1993. Вып. III. Кат. 242. Таб. 50
- 38 Зайцев Ю. П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. Рис. 63
- 39 Выборный В. Ю. Ключева И. Н. Позднесарматский курган у с. Лимеревка Луганской области // *Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тез. докл. VII Донской археологической конференции*. Ростов-на-Дону, 1998. С. 92-93, Таб. XXVIII, 14
- 40 Романовская М. А. Аланское погребение из Ставрополя // *КСИА*. 1986. Вып. 186. Рис. 2, 5
- 41 Казанский М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. // *МАИЭТ*. 1994/95. Вып. IV. С. 238, 239, 243, Рис. 3, 7
- 42 Основные детали орнамента были зарисованы в процессе расчистки, учитывая крайне плохое состояние украшения. Это обстоятельство делало крайне проблематичным возможность его сохранения. Только благодаря консультациям Ю. П. Зайцева и личному его участию, удалось извлечь изделие из грунта с наименьшими потерями, а затем закрепить и реконструировать найденное украшение.
- 43 Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа. М. 1989. С. 26. Рис. 1-3. Гудкова А. В. Редина У. Ф. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная. // *Старожитності Північного Причорномор'я і Криму*. 1999. Вып. VII. С. 184-190.
- 44 Труфанов А. А. Юрочкин В. Ю. Боспоро-херсонесские отношения и этно - политическая ситуация в Крымской Скифии III - IV вв. н. э. // *Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира*. Материалы научной конференции, СПб. 1999. С. 243. Рис. 1.
- 45 Айбабин А. И. Раскопки могильника близ с. Дружное в 1984 г. // *МАИЭТ*. 1994/95. Рис. 6, 1, 2.; Храпунов И. М. Склеп IV ст. н. э. из могильника Дружное // *Археология*. 1998. № 4. Рис. 6, 1

46. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. Таб. 23, 90; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма поздне римского и раннесредневекового времени. // МАИЭТ. 1990. Вып. 1. Рис. 9, 1, 10. Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der sudostlichen Kulturelement in der fruhen Volkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger des germanischen Nationalmuseums. 1987. Рис. 16, 1, 3, 7.
47. Веймарн Є. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. 1963. Т. XIII. С.19, Рис.10,5
48. Preda C. Callatis. Necropola romano-bizantina. Bucuresti, 1980. Таб. XVIII, М,53. Кат. 19, 24, 40, 61, 63; Таб. XVIII, М, 345. Кат.87; Таб. XVIII, М, 347, Кат. 38-39
49. Burger A.Sz. The Late Roman cemetery at Sagvar // AA. 1966. Т. XVII. F. 1-4. С. 107, 133, Рис. 99,8, 120,2
50. Гороховский Е.Л. Хронология черняховских памятников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. К, 1988. Т.4. С.35,45, Рис. III, 58,59.
51. Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der sudostlichen Kulturelement in der fruhen Volkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger des germanischen Nationalmuseums. 1987. С. 11
52. Амброз А.К. Фибулы Юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30. М. 1966. С.64 Таб. 2, 12-15,19
53. Diaconi G. Ueber die Fibel mit Umgeschlagenem fust in Dacien // Dacia. 1971. Т.XV. С.251-253, Таб. 8, 13
54. Айбабин А.И. Хайретдинова Э.А. Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1999. Вып. VI. С. 299. Рис. 21, 18.
55. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV н.э.). М. 1993. С. 167, 168, Рис. 66, 45-48.
56. Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа. М, 1997. С. 132, 188.
57. Арсеньева Т.М. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии. М. 1984.
58. Безуглов С. Захаров А. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // ИРМК. 1988. Вып.5. С. 18, Рис.5
59. Godlowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow, 1970 Рис. XI, 30.
60. Казанский М. Могилы алано-сарматских вождей. Рис.7, 8.
61. Анфимов Н.В. Позднесарматское погребение из Прикубанья // Археология и история Боспора. 1952. Т.1. Рис. 3.
62. Веймарн Є.В. Археологічні роботи в районі Інкермана. Рис.9, 10.
63. Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der sudostlichen Kulturelement in der fruhen Volkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger des germanischen Nationalmuseums. 1987. С. 32. Рис.14, 17, 19.
64. Айбабин А.И. Хайреддинова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму. Рис. 4, 1; Веймарн Е.В. Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К, 1993. С. 11, 119, 120. Рис. 4, 16, 89, 2; Лобода И.И. Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Мак. Рис. 3,10.
65. Юрочкин В.Ю. Погребение кочевника гуннского времени в кургане у с. Изобильное в Крыму. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 248-249. Рис. 2, 6.
66. Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. Таб. 54. № кат. 297; Масленников А.А. Семейные скелеты населения позднеантичного Боспора. М, 1997. Рис. 12, 13, 15, 2, 3, 40, 5.
67. Казанский М.М. Мастыкова А.В. Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиана и археологические данные // РА. 1999. № 1. Рис. 6, 4, 7.
68. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. С.33

- 69 Кузнецов В. Новое исследование по истории западноевропейских алан (А. Киш. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке. // Аланы. История и культура. 1995. С. 99
- 70 Nowakowski W. Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodniobałtyjskiego kręga kulturowego // Archeologia. 1983. № XXXIV. С. 97-98, Рис. 10, Таб. III, 8
- 71 Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow, 1970. С. 202-206; Godłowski K. Problemy chronologii okresu rzymskiego // Scripta archeologica. 1988. С. 43.
- 72 Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 19; Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1961. №83. С. 121-122. Таб. 104, 105; Scorpan C. Ceramica romano-bizantina de la Sucidava // Pontica. 1963. Т. VIII. С. 269-270; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма поздне римского и раннесредневекового времени. С. 14. Рис. 4.4; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 253-259.
- 73 Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. №4. С. 45. Признак 7
- 74 А.В. Сазанов Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 16-19.
- 75 Анфимов Н.В. Позднесарматское погребение из Прикубанья // Археология и история Боспора 1952. Т. I. С. 211. Рис. 7
- 76 Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма поздне римского и раннесредневекового времени. С. 15
- 77 Гребенников Ю.С. Гребенников В.С. Магомедов Б.В. Черняховские могильники западного побережья Бугского лимана // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К. 1982. С. 140
- 78 Пуздровский А.А. Могильник III-IV вв. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье. Тез. докл. конф. - Симферополь, 1994.
- 79 Это обстоятельство, вводящее в заблуждение читателей, любезно разъяснил нам автор раскопок А.Е. Пуздровский, за что мы ему крайне признательны.
- 80 Кропотов В.В. Світлоглиняні вузкогорлі амфори «інкерманського» типу // Археологія. 1998. №4. С. 128-129
- 81 Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. Вып. 3. С. 50. Рис. 61
- 82 Крапивина В.В. Оливия. Материальная культура I - IV вв. К.: Наук. думка, 1993. с. 94
- 83 Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М, 1989. С. 25-28, рис. 1
- 84 Гороховский Е.Л. Сарматское погребение в Новых Санжарах на Полтавщине (о позднесарматских древностях второй половины III в. н.э. в междуречье Дона и Дуная // Областная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М.Я. Рудинского. Тез. докл. конф. - Полтава, 1987. С. 19
- 85 Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // АП. 1963. Т. XIII. С. 97-100.
- 86 Храпунов И.Н. Погребение середины III в. н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ. 1994/95. Вып. IV.; Храпунов И.Н. Масыкин В.В. Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Stratum+Петербургский археологический вестник. Спб.-Кишинев, 1997.
- 87 Гудкова А.В. Редина Е.Ф. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная. Рис. 2, 13; 3, 17, 6, 5; Храпунов И.Н. Масыкин В.В. Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Stratum+Петербургский археологический вестник. Спб.-Кишинев, 1997. Рис. 2, 2.
- 88 Казанский М. Могилы алано-сарматских вождей. ...С. 240-241.
- 89 Труфанов А.А. Юрочкин В.Ю. Боспоро-херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии в III-IV вв. С. 245

90. Никитина Г. Ф. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой области // Могильники черняховской культуры. М., 1988. С. 75. Таб. 48, 1, 5; Гей О.А. Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов».....С.48.. Таб.68, 6,17.
91. Hayes, J.W. Late Roman pottery. London, 1972. С. 107, 327-329, Рис. 18, 14, 66
92. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. №4. С. 51, 53-55. Признаки 14, 18.
93. Беляев С.А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV-VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. 1968. С. 32. Рис. 1, 2, 4.; Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в. н.э., Харьков, 1989. Рис. 34, 1.; Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени. С. 54-54. Признак 18.
94. Романчук А.И. Сазанов А.В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона // Средневековый Херсон. Часть I. Свердловск, 1991. С. 7-8.
95. Обломки подобной посуды нам довелось обнаружить среди керамики из раскопок городище Белинское в Восточном Крыму, за что мы признательны руководителю экспедиции В.Г. Зубареву, позволившему ознакомиться с его коллекцией.
96. Атавин А.Г. Краснолаковая керамика IV-V вв. из Фанагории // БС. 1993. Вып. 2. С. 150, 155, Рис. 1, 2, 3, 3. 1-3; Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. С. 15-17.
97. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 258-259. Таб. 14. 5, 17, 7.
98. Hayes J.W. Sigillate Orientali // Ceramica Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio). Attante delle forme ceramiche II // Enciclopedia dell' arte antica, classica e orientale. Roma, 1985.
99. Домжалский К. К истории исследования краснолаковой керамики восточного происхождения // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье М., 1998. С. 23. Прим. 23.
100. Кутайсов В.А. Юрочкин В.Ю. Бассейн римского времени в юго-западном районе Херсонеса // Тез. докл. междунар. конф. «Византия и Крым». Симферополь, 1997. С.55.
101. Сазанов А.В. Поздние типы узкогорных светлоглиняных амфор..... С. 19.
102. Сазанов А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV-V вв. // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 238.
103. Романчук А.И. Сазанов А.В. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. С. 12, 36.
104. Айбабин А.И. Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму. С. 309; Веймарн Е.В. Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К, 1993. С. 197.; Lohe K. Das Graberfeld von Skalistoje auf der Krim und Ethnogenese der Krimgoten (Ende 4. bis Anfang 6. Jahrhundert // Die Sintana de Mures-Cernjehov-Kultur. Bonn, 1999. С. 49
105. Справедливости ради, оговоримся - находки амфор в могильниках этой группы вообще редки.
106. Айбабин А.И. Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в КрымуРис.7,9, 8,25 ; Лобода И.И. Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Мак // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. Рис. 3,3
107. Айбабин А.И. Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму . Рис. 18, 3; Лобода И.И. Исследования могильника IV-V вв. в с. Красный Мак....Рис. 3,1.
108. Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. 1963. Т. XIII. С. 37. Рис. 13,3.
109. Здесь найдены монеты Феодосия I (379-395 гг.), Аркадия (385-408 гг.), Валентиниана II (375-392 гг.), Валента (364-378 гг.), Грациана (367-383 гг.): Шелов Д.Б. Аниси-

- мов А. И. Находки монет в Танаисе в 1973-1980 // НЭ. 1984. Т. XIV. С. 52-53; Bezuglov S. Die Munzfunde aus den Ausgrabungen der deutsch-russischen Expedition in Tanais 1993-1996 // EA. 1998. Т. 4. С. 436-448
- 110 Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Танаис IV-V вв. (по материалам раскопок 1989-1992 гг.) // БС. 1995. №6. С. 48. Рис. 2, 1,3,4
- 111 Сазанов А. В. Керамические комплексы Северного Причерноморья.....С.232.
- 112 Шелов Д. Б. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1955-1957 гг.) // МИА. 1965. №127. Рис. 29
- 113 Арсеньева Т. М. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV - начала V в. н.э. // КСИА. 1981. № 168. Рис. 1, 1-3; Сазанов А. В. Керамические комплексы Северного Причерноморья.....С.232.
- 114 Арсеньева Т. М. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV - начала V в. н.э. Рис. 1, 5; Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Танаис IV-V вв.....Рис. 4, 1,3; Сазанов А. В. Керамические комплексы Северного Причерноморья.....С.232-233.
- 115 Сазанов А. В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. №4. С. 51, 53-55; Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и ранне-средневекового времени. С.16,17
- 116 Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. №4. Рис. 8, 30
- 117 Воронов Ю. Н. В. А. Юшин Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. 1973. №1. Рис. 1, 3; 5, 4; 6,5
- 118 Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска.рис.8, 29.
- 119 Bohne H. W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhundert zwischen unteren Elbe und Loire. Munchen, 1974. Таб. 91, 10, 102, 5, 117, 11.
- 120 О. А. Гей, И. А. Бажан. Хронология эпохи «готских походов». С. 26. Таб. 29, 28.
- 121 Воронов Ю. Н. В. А. Юшин Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии. С. 191.
- 122 Kazanski M. Les eperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'epoque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion // Beitrage zu romischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium. Lublin / Marburg, 1994. С.441. Рис. 3, 4, 22, 54.
- 123 Воронов Ю. Н. В. А. Юшин Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии. Рис. 5, 6.
- 124 О. А. Гей, И. А. Бажан. Хронология эпохи «готских походов». С. 16. Таб. 22. XII 62.
- 125 О. А. Гей, И. А. Бажан. Хронология эпохи «готских походов». Таб. 29, 23.
- 126 Храпунов И. Н. Мульд С. А. Завершение исследований могильника Дружное // АИК 1994. Симферополь, 1997. Рис. 149, 151
- 127 Веймарн Є. В. Археологічні роботи в районі ІнкерманаРис.10, 2